

СООБЩЕНИЯ



А. Н. ТОЛСТОЙ И И. А. БУНИН. К ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА БУНИНА

Л. К. Куванова

Специальных работ, посвященных литературным отношениям Толстого и Бунина, пока нет, однако в исследованиях о творчестве писателей освещены некоторые важные стороны этих отношений¹. В настоящем сообщении, не претендующем на полноту обзора, рассматриваются лишь те вопросы, которые позволяют понять новые материалы, относящиеся к теме и впервые вводимые в научный обиход.

Знакомство Толстого и Бунина, по свидетельству последнего, произошло в 1908—1909 гг., когда Бунин редактировал в журнале «Северное сияние» отдел беллетристики. «И вот в редакцию этого журнала,— вспоминал Бунин,— явился однажды рослый и довольно красивый молодой человек, церемонно представился мне («граф Алексей Толстой») и предложил для напечатания свою рукопись под заглавием «Сорочьи сказки», ряд коротеньких и очень ловно сделанных «в русском стиле», бывшем тогда в моде, пустяков. Я, конечно, их принял: они были написаны не только ловко, но и с какой-то особой свободой, непринужденностью (которой всегда отличались все писания Толстого)»².

Следующая встреча писателей состоялась лишь спустя два—три года: Толстой нанес Бунину визит в номер московской гостиницы «Лоскутной», где Бунин с женой Верой Николаевной Муромцевой остановился. Между писателями возникли дружеские отношения, чему немало способствовала общность литературных вкусов.

По свидетельству С. И. Дымищ-Толстой, в 1912—1913 гг. Толстой часто встречался с Буниным в литературно-художественном кружке на Большой Дмитровке, где «руководящее ядро состояло из писателей, вышедших из знаменитых горьковских „Сред“ (Серафимович, Вересаев, Бунин, Телешов), к которым организационно, не входя в дела книгоиздательства, примыкали Шмелев, Зайцев. Алексей Николаевич также активно включился в работу общества и его издательства»³.

В те же годы они приняли участие в сборниках, выпускаемых вновь организованным тогда в Петербурге Издательством товарищества писателей⁴, а несколько позднее — Книгоиздательством писателей в Москве⁵.

Бунин и Толстой участвовали в литературно-художественных сборниках в помощь жертвам войны «Клич» (1915, под редакцией Бунина, Вересаева и Телешова)⁶ и «Щит» (1915)⁷. Кроме того, они принимали участие в литературных вечерах, сбор от которых поступал в пользу жертв войны.

В 1915—1916 гг. Толстой работал над романом о современности, в котором весьма критически оценивал состояние искусства и литературы⁸.

Роман остался незаконченным, в печати при жизни автора появились лишь отдельные фрагменты. В персонажах романа усматривались портретные штрихи некоторых литературных деятелей того времени (Л. Андреева, М. Волошина, И. Северянина, А. Грина); в одном из них — Волгине — можно было найти сходство с Буниным⁹. Фрагмент, в котором действующим лицом является Волгин, был тогда же опубликован¹⁰. Едва ли это обстоятельство прошло для Бунина незамеченным...

В 1917—1918 гг. Толстой явился одним из организаторов и активных участников Клуба московских писателей. Он был избран казначеем клуба. В числе учредителей клуба были В. Вересаев, Андрей Белый, Ю. Балтрушайтис, М. Волошин и др. — всего 18 членов-учредителей. На первом же организационном собрании клуба в его члены был избран Бунин — вместе с Бальмонтом, Брюсовым и Немировичем-Данченко.

Кроме заседаний Клуба московских писателей, происходивших часто на квартире Василия Афанасьевича Крандиевского (отца жены Толстого Н. В. Крандиевской-Толстой) в Хлебном переулке (дом 1, кв. 53), писатели, жившие тогда по соседству (Бунин — на Поварской ул., в доме 26, Толстой — на Молчановке, в доме 8), встречались также на заседаниях телешовских «Сред». В середине мая 1918 г. Бунин и Толстой присутствовали на заседании, где слушали доклад А. Б. Дермана на тему «Творчество А. Блока».

По прочтении доклада вспыхнул конфликт между ними. «Я вспоминал тот вечер, — пишет Эренбург, — Алексей Николаевич тогда во многом сомневался, но слова Бунина о поэзии Блока он назвал „кощунством“»¹¹. Бунин, как известно, не принял поэму «Двенадцать».

Сложным, хотя во многом сходным оказалось поведение писателей в первые годы после Октябрьской революции. По свидетельству современника, в 1917—1918 гг. Толстой «был растерян, огорчен, иногда подавлен: не мог понять, что происходит; сидел в писательском кафе „Бом“; ходил на дежурства домового комитета, всех ругал и всех жалел, а главное — недоумевал. Иногда к нему приходил И. А. Бунин, умный, злой, и рассказывал умно, зло, но несправедливо; рассказывал, помню, как к нему пришел мужик — предупредить, что крестьяне решили сжечь его дом, а добро унести. Иван Алексеевич сказал ему: „Нехорошо“, — тот ответил: „Да что тут хорошего... Побегу, а то без меня все заберут. Чай, я не обсевок какой-нибудь!“ Толстой невесело смеялся»¹².

«Весной 1918 г. в Москве начался продовольственный кризис,— вспоминала позже Н. В. Крандиевская-Толстая.— <...> В июле мы выехали всей семьей <...> на Курск, где проходила в то время пограничная линия»¹³. Бунины покинули Москву раньше — 21 мая 1918 г.

Снова встретились они в Одессе. «Осень, а затем и зиму, очень тревожную, со сменой властей, а иногда и с уличными боями, мы и Толстые прожили в Одессе»,— писал Бунин в цитированных выше воспоминаниях о Толстом¹⁴.

Толстые уехали из Одессы в начале апреля 1919 г. Из Парижа Толстой прислал Бунину два письма (тексты писем Бунин включил в свои воспоминания): «Мне было очень тяжело тогда (в апреле) расставаться с Вами,— писал в первом из них Толстой.— Час был тяжелый. Но тогда точно ветер подхватил нас, и опомнились мы не скоро, уже на пароходе. Что было перетерплено — не рассказать»¹⁵.

В другом письме Толстой звал Бунина в Париж: «Я думаю, милый Иван Алексеевич, что Вам было бы сейчас благоразумно решиться на эту эвакуацию. Минимум Вам будет гарантирован, кроме того, к Вашим услугам журнал „Грядущая Россия“ (начавший выходить в Париже)¹⁶, затем одно огромное издание, куда я приглашен редактором¹⁷; кроме того, издания Ваших книг по-русски, немецки и английски»¹⁸.

26 января 1920 г. Бунины покинули Россию; в конце марта 1920 г., после тяжелых скитаний, они приехали в Париж, где поселились недалеко от Толстых.

«Жили мы с Толстыми в Париже особенно дружно,— вспоминал позже Бунин,— встречались с ними часто, то бывали они в гостях у наших общих друзей и знакомых, то Толстой приходил к нам с Наташей»¹⁹.

Из числа общих друзей и знакомых в первую очередь следует назвать Цетлиных — Михаила Осиповича, писателя, автора романа «Декабристы», и его жепу Марию Самойловну,— с которыми Бунины и Толстые были связаны длительной дружбой.

Толстые и Бунины общались также с семьей Федора Ивановича Кривича²⁰, где познакомились с его сыном Владимиром Федоровичем — художником, учеником С. Ю. Судейкина. Из позднейших писем Ф. И. Кривича к вдове Толстого Л. И. Толстой²¹ известно, что осенью 1921 г. Кривич на парижской квартире своего отца написал портрет Толстого. В тех же письмах сообщается, что портреты, написанные Кривичем с Бунина, Куприна, Гречанинова, Рахманинова, находятся в картинных галереях и частных собраниях Парижа, Лондона, Нью-Йорка, а портрет Толстого оказался затерян во время фашистской оккупации Парижа и был найден только после войны.

Портрет А. Толстого Кривич отправил в 1956 г. вдове писателя. «Сын желает,— писал он,— чтобы портрет автора „Хромого барина“ и „Петра Первого“ находился на нашей Родине»²². В следующем письме к Л. И. Толстой Ф. И. Кривич сообщил,

что он нашел еще одну тетрадь с зарисовками сына, в которых фигурируют А. Толстой, Бунин и другие писатели. Кривич прислал также фотографию с портрета Толстого с надписью на обороте: «А. Н. Толстой. Портрет, сделанный худ. В. Ф. Кривичем осенью 1921 года в Париже, в присутствии И. А. Бунина и Н. Н. Черепнина. Париж. 6 июля 1956 г.»²³.

В 1921 г. Толстой подарил Бунину свою фотографию, помеченную Буниным: «1921 г. А. Н. Толстой». Писатель снят на фоне деревьев в купальном костюме, во весь рост. На обороте — надпись шуточного характера, начинающаяся словами: «Чемпион мира, Иван Дуголомов. Изобретатель знаменитого приема борьбы». В надписи перечислены висящие на ленте бутафорские ордена: «Королевы Вильгельмины, большой голландский с кистью» и др.²⁴⁻²⁵

Лето 1921 г. Толстые проводили под Бордо, откуда Толстой писал Буниным: «Хорошо было бы, если бы вы оба приехали сюда зимовать, мы бы перезимовали вместе. Дом комфортабельный, и жили бы мы чудесно и дешево, в Париж можно бы наезжать. Подумай, напиши...»²⁶. А осенью того же года Бунин получил записку Толстого со словами: «Приходил читать роман и проститься»²⁷.

Следующие письма Толстого Бунину уже были из Берлина; в них — описание берлинской жизни и приглашения приехать. Последнее письмо было отправлено из Берлина 21 января 1922 г. Начав с извинений за задержку ответов на письма, Толстой выражал удивление тем, что Бунин не желает ехать в Германию, где материальное положение можно устроить лучше, чем в Париже²⁸.

1 августа 1923 г. Толстой с семьей вернулся на Родину.

В беседе с сотрудником журнала «Жизнь искусства» по возвращении в Советскую Россию он рассказал о заграничном русском искусстве и литераторах. Толстой сообщил о разделении писателей-эмигрантов на три группы: парижскую, пражскую и берлинскую, сосредоточив внимание на парижской, как наиболее ему знакомой. «Парижская группа, — сказал он, — возглавляется наиболее непримиримыми Мережковским и Гиппиус. Сюда, между прочим, входят: Бунин, Куприн, Лазаревский и др.». Толстой отметил демагогическое влияние Мережковского на умы и настроения этих писателей, которые перестали писать. Особое сожаление, сообщалось в журнале, у Толстого вызвали такие большие писатели, как Бунин и Куприн. Бунин, по словам Толстого, все еще находился «под впечатлением Одессы 1919 г., с ее голодом, хаосом, бесконечной сменой правительств. Под этим углом зрения воспринимает он русскую жизнь. <...> Обоих ... писателей следовало бы вырвать из той гнилой, полной ненависти к Советской России атмосферы и вернуть их русской литературе»²⁹, — такими словами закончил Толстой беседу.

В другой беседе о парижской эмиграции — с корреспондентом «Красной газеты» в 1924 г. — Толстой опять упоминает Бунина, который вместе с Куприным живет за счет благотворительности, за

счет концертов, дающих низкие гонорары, так как издательства и книжные магазины закрылись из-за отсутствия субсидий³⁰.

Интересно развернутое высказывание Толстого о Бунине в его статье 1928 г. «Рапший Горький». «Ссылаются,— пишет Толстой,— на терпкий реализм Бунина, трагического и жгучего, как сколопендра, беспощадно изобразившего мужиков, бродяг, юродивых...» И дальше — о нем же: «Беспощадный и злой Бунин (почти современник раннему Горькому), крутившийся, как овца на приколе, вокруг ужаса смерти, изображал страшную двойственность: очарование природы, великолепие красок и аромата земли и неба, и царя этой жизни — человека, исковерканного бессмыслицей смерти, из царя, каким он должен быть, ставшим жалким пасынком, вернувшимся к троглодитскому состоянию. Социальная основа, всегда заметная у Чехова, здесь у Бунина вытравлена, ему ненавистна мысль, что есть какая-либо иная сила, кроме смерти. Современникам он был непонятен и враждебен. Чехов и Бунин изображали жизнь с неповторимым мастерством и правдивостью. Но тем отвратительнее было для жизни глядеться в это зеркало»³¹.

В ноябре 1936 г., как вспоминает Бунин, произошла последняя встреча его с Толстым — они увиделись в одном из парижских кафе³².

Вернувшись в Советский Союз из длительной заграничной поездки (конец августа — 8 ноября 1936 г.), Толстой дал интервью корреспонденту газеты «Литературный Ленинград», в котором значительное место уделил встрече с Буниным:

«Случайно в одном из кафе Парижа я встретился с Буниным. Он был взволнован, увидев меня. ...

Я прочел три последних книги Бунина — два сборника мелких рассказов и роман „Жизнь Арсеньева“. Я был удручен глубоким и безнадежным падением этого мастера. От Бунина осталась только оболочка прежнего мастерства. [...] Судьба Бунина — наглядный и страшный пример того, как писатель-эмигрант, оторванный от своей родины, от политической и социальной жизни своей страны, опустошается настолько, что его творчество становится пустой оболочкой, где ничего нет, кроме сожалений о прошлом и мизантропии»³³.

О встрече с Буниным в Париже Толстой говорил и в беседе с корреспондентом «Вечерней Москвы»³⁴.

Известно, насколько Бунин был горд и самолюбив. Следует также принять во внимание, что «Жизнь Арсеньева» сам Бунин считал своей творческой удачей и полагал, что именно это произведение послужило основанием для присуждения ему Нобелевской премии. Однако все это не может служить оправданием резкой и порой несправедливой оценки, которую Бунин дал Толстому в очерке «Третий Толстой», тем более, что этот очерк был написан, когда писателя уже не было в живых...

Личные обиды, возможно, не без примеси некоторой зависти к Толстому как писателю, вновь обретшему Родину, творившему на

родной земле, не мешали Бунину признавать и восхищаться талантом Толстого.

Но Бунин восхищался не только литературным талантом Толстого, он ценил в нем широту его натуры, веселый и открытый характер, способность приходить на помощь людям, попавшим в беду и нуждающимся в поддержке.

Вполне понятно, что, оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, Бунин обратился с письмом к Толстому. Письмо это считалось долгое время утерянным, о чем писал биограф Толстого Ю. А. Крестинский³⁵. Недавно письмо (открытка) вместе с другими материалами личного архивного фонда Толстого, хранившимися у его вдовы Л. И. Толстой, поступило в Отдел рукописей ИМЛИ. Приводим текст этого письма:

«Вилла Жаннетт, Грасс.

Алексей Николаевич, я в таком ужасном положении, в каком еще никогда не был,— стал совершенно нищ (не по своей вине) и погибаю с голоду вместе с больной Верой Николаевной.

У вас издавали немало моих книг — помощи, пожалуйста, — не лично, конечно: может быть, Ваши государственные и прочие издательства, издававшие меня, заплатят мне за мои книги что-нибудь? Обратись к ним, если сочтешь возможным сделать что-нибудь для человека, все-таки сделавшего кое-что в русской литературе. При всей разности наших политических воззрений, я все-таки всегда был беспристрастен в оценке современных русских писателей, — отнеситесь и вы ко мне в этом смысле беспристрастно, чело-вечно.

Желаю тебе всего доброго.

2 мая 1941 г.

Ив. Бунин

Я написал целую книгу рассказов, но где ж ее теперь издать?»³⁶.

Толстой, получив это отчаянное послание, обратился с ходатайством на имя И. В. Сталина. Толстым было написано три редакции этого ходатайства; об ответственности этого обращения писателя говорит и большое количество сохранившихся черновиков.

В третьей, окончательной редакции, посланной 18 июня 1941 г., Толстой писал следующее:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, я получил открытку от писателя Ивана Алексеевича Бунина. <...> Он пишет, что положение его ужасно, он голодает и просит помощи.

Неделей позже писатель Телешов также получил от него открытку, где Бунин говорит уже прямо: „Хочу домой“.

Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример — как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму. <...>»³⁷.

Через четыре дня началась Великая Отечественная война, и дело о возвращении Бунина на Родину не было завершено.

Вторая мировая война, разгром фашизма советским народом потрясли Бунина, который с напряженным вниманием следил за всеми событиями военного времени, слушая тайком советское радио. Он горячо приветствовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

Глубоко тоскуя о Родине, Бунин не мог не думать о возвращении, но преклонный возраст и болезни не позволили ему осуществить это желание. «Все думаю,— писал он в своем дневнике в 1944 г.,— если бы дожить, попасть в Россию! А зачем? Старость уцелевших <...> кладбище всего, чем жил когда-то»³⁸.

Бунин проявлял огромный интерес к изданию своих произведений в Советском Союзе. Он писал своему другу Н. Д. Телешову, чтобы тот передал в Госиздат — «пусть издает из моих писаний все, что угодно», но выбирает из переработанного им самим³⁹.

Следует добавить, что, когда Бунину предложили продать его архив Колумбийскому университету, он категорически от этого отказался и выразил желание, чтобы его архив рано или поздно был передан в Россию.

¹ См.: *Бабореко А. И.* А. Бунин: Материалы для биографии (с 1870 по 1917). 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983; *Волков А.* Проза Ивана Бунина. М.: Моск. рабочий, 1969; *Михайлов О.* Строгий талант: Иван Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество. М.: Современник, 1976.

² *Бунин И. А.* Из воспоминаний «Третий Толстой» (1943).— *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9-ти т. М.: Худож. лит., 1967, т. 9, с. 434—435.

³ *Воспоминания*, с. 74—75.

⁴ В первом сборнике этого издательства вышли роман Толстого «Хромой барин» и рассказ Бунина «Ночной разговор» (СПб., 1912).

⁵ Это издательство в 1912—1918 гг. выпустило «Сочинения» Толстого в 10 т.; издание началось с кн. 2 (1912 г.); в 1913 г. вышли кн. 1 (цикл «Заволжье») и кн. 3 («Сказки»). В 1912 г. вышел также т. 7 Собр. соч. Бунина («Суходол. Повести и рассказы 1911—1912»), а в 1913 — т. 8 («Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи 1912—1913»), в 1915 — т. 9 («Чаша жизни: Рассказы 1913—1914»).

⁶ Сборник не был издан. Бунин дал для публикации в нем рассказ «Грамматика любви», Толстой — рассказ «Призраки» (см.: Проспект сборника «Клич» — ИМЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 10).

⁷ В литературном сборнике под редакцией Л. Андреева, М. Горького, В. Вересаева «Щит» (М.: Типография Мамонтова, 1915) были напечатаны — стихотворение Бунина «Рахиль», рассказ Толстого «Анна Зисерман».

⁸ Роман без названия; отдельные фрагменты его озаглавлены: «Егор Абовов», «Свет уединенный», «Осенний рожок», «Угольный мешок» и т. д. (ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, № 38, 40/18, 41/18, 68).

⁹ Рецензент Московского издательского товарищества писателей С. Д. Махалов-Разумовский писал 31 августа 1915 г. Н. Д. Телешову о тех местах романа, в которых можно усмотреть намеки на Бунина:

«Дорогой Коля,— прочитал „Абозова“ и спешу поделиться с тобою мнением о портретности, которой не нашел, за исключением намеков, да и то пе-

ремешанных в такую кашу, что разобраться в них можно только при сильном желании, то есть, например, писатель с внешностью И. Бунина говорит о произведении, которое могло бы принадлежать Л. Андрееву, и т. д. На стр. 82 — Волгин, *„устало потирая лоб и глаза, рассеянно поздоровавшись с гостями, потрепав Иванушку по спине — сел к столу и, ссутулясь, принялся мешать ложечкой чай.“* Кончил 14-ю главу, — сказал он. — Хотел застрелить Катерину Савишну, но раздумал — так лучше. Пусть мается, кроме того, она беременна. — *Желтый и тощий, с подведенными щеками и глазами, опустевшими от работы,* он показался Абозову действительно мало способным на исполнение каких-либо обязанностей (супружеских, см. с. 80). Его жена сидела теперь, *упрямо поджав губы, сдвинув тоненькие бровки“.* А ранее на стр. 80 читаю: — „Волгин кончал главу; гостей встретила в крошечной столовой жена Волгина, маленькая и русенькая, похожая на малярного цыпленка, и сейчас же стала рассказывать, как много и хорошо работает ее муж и т. д.“ Я привел тебе этот отрывок, чтобы обратить твоё внимание, во-1-х, на то, что здесь все-таки можно найти некоторые намеки на И. Бунина, а ты понимаешь, что из этого может выйти (...) Повторяю, что я отношусь придирчиво, но ведь так, кажется, и надо взглянуть на дело, особенно по отношению к И. Бунину, который на одном из заседаний сказал про один из критических сборников, изданных нами, где о нем был неблагоприятный отзыв: — „Должны ли мы издавать таких господ, которые о своих же товарищах по изданию так отзываются?“ Стало быть, если признать подозреваемое мною сходство с И. Буниным, то с этим как-никак, а считаться придется» (ИМЛИ, ф. 43, № 7073).

¹⁰ Под заглавием «Егор Абозов» (Одесские новости, 1915, 25 дек.). С разнотечениями этот фрагмент вошел в первую публикацию романа (см.: Толстой А. Н. ПСС, т. XIV, с. 679—680, 688—695, 698—699).

¹¹ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М.: Сов. писатель, 1961, с. 199. См. также об этом в наст. томе сообщение «А. Н. Толстой и А. А. Блок».

¹² Воспоминания, с. 88.

¹³ Там же, с. 109—110.

¹⁴ Бунин И. А. Собр. соч., т. 9, с. 437.

¹⁵ Там же, с. 438.

¹⁶ Журн. «Грядущая Россия» выходил в Париже в 1920 г.; в составе его редакции были: А. Н. Толстой, М. А. Алданов, Н. В. Чайковский, В. А. Анри.

¹⁷ Возможно, Толстой имеет в виду выходивший в Париже детский журнал «Зеленая палочка», куда он был приглашен литератором А. П. Шполянским (Дон Амико) (см.: Крандиевский Ф. Рассказ об одном путешествии. — Звезда, 1981, № 1, с. 165).

¹⁸ Бунин И. А. Собр. соч., т. 9, с. 439.

¹⁹ Там же, с. 441.

²⁰ Возможно, знакомство Толстого с семьей Кривича произошло через С. Ю. Судейкина, который в 1922 г. писал декорации к спектаклю по пьесе Толстого «Любовь — книга золотая» (постановка Ж. Копо) в парижском театре «Старая голубятня». Толстой знал Судейкина еще по петербургским писательским кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов».

²¹ Письма Ф. И. Кривича Л. И. Толстой от 26 окт. и 1 сент. 1956 г. — ИМЛИ, ф. 43, оп. 8, н. п.

²² Письмо Ф. И. Кривича Л. И. Толстой от 26 окт. 1956 г. — Там же. Портрет Толстого находится в настоящее время в Государственном литературном музее (Москва).

²³ ИМЛИ, ф. 43, оп. 5, н. п.

^{24—25} ИМЛИ, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 21; поступило от А. К. Бабореко. Толстой в эти годы иногда подписывался шутивными прозвищами (см., например, его письмо Горькому от 11 апреля 1922 г. — Лит. наследство, т. 70, с. 400).

²⁶ Бунин И. А. Собр. соч., т. 9, с. 442.

²⁷ Там же. Речь идет о несостоявшемся чтении романа «Хождение по мукам»; в октябре 1921 г. Толстой переехал из Парижа в Берлин.

²⁸ См.: Бунин И. А. Собр. соч., т. 9, с. 443—444.

- ²⁹ Жизнь искусства, 1923, 12 июня; *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIII, с. 487—488.
- ³⁰ См.: Красная газета, 1924, 1 нояб.; *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIII, с. 306.
- ³¹ В кн.: Горький: Сб. ст. и воспоминаний/Под ред. И. А. Груздева. М.; Л.: ГИЗ, 1928, с. 127—128; (10, 120—121).
- ³² *Бунин И. А.* Собр. соч., т. 9, с. 444—445.
- ³³ Лит. Ленинград, 1936, 23 нояб.; *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIII, с. 517—518.
- ³⁴ См.: Веч. Москва, 1936, 15 нояб.; *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIII, с. 517—518.
- ³⁵ См.: *Крестинский Ю.* Письмо А. Н. Толстого о Бунине.— Лит. наследство. М.: Наука, 1973, т. 84. *Ив. Бунин.* Кн. 2, с. 394.
- ³⁶ ИМЛИ, ф. 43, н. п.
- ³⁷ Лит. наследство, т. 84, кн. 2, с. 396.
- ³⁸ Цит. по кн.: *Бабореко А. И.* А. Бунин: Материалы для биографии, с. 305.
- ³⁹ См.: Лит. наследство, т. 84, кн. 1, с. 631.